

ДОНЕЦК В СЕРДЦЕ РУССКОГО МИРА

ОБРАЗ РОДИНЫ В КНИГЕ АННЫ РЕВЯКИНОЙ
«ДОНЕЦК – МОСКВА». СТАТЬЯ

Нина ИЩЕНКО

Нина Сергеевна родилась в 1978 году. Культуролог, лит-критик, кандидат философских наук.

Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020), «Борьба цивилизаций в "Отблесках Этерны"» (2021), «Южный фронт: Россия — Украина — Донбасс» (2021). Редактор-составитель семи сборников Философского монтеневского общества Луганска, двух стихотворных сборников (2015, 2022) и поэмы (2020) Елены Заславской, двух книг (2022, 2023).

Участник Международного фестиваля фантастики «Звёзды над Донбассом». Лауреат XIV Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2023) в номинации «Литературоведение».

*Участник философских проектов.
Живёт и работает в Луганске.*

Концепт Русского мира может выражаться рационально, в виде идей и понятий, и эмоционально — в эстетически нагруженных образах, важнейшим из которых является образ Родины.

Концепт Русского мира как Русской цивилизации особенно актуален в современных условиях открытого противостояния с экспансивной западной цивилизацией. Как показал луганский философ Виталий Даренский, в культурологическом смысле пространство Русского мира состоит из множества локальных культурных традиций, дающих разные варианты общих для русской культуры

тем. Рассмотрим одну из таких локальных русских традиций — донецкую, выраженную в сборнике стихов современной русской поэтессы Анны Ревякиной «Донецк — Москва».

Концепт Русского мира может выражаться рационально, в виде идей и понятий, и эмоционально — в эстетически нагруженных образах, важнейшим из которых является образ Родины.

Образ Родины — важный элемент любой культуры. В русской культуре существует два основных способа конструирования образа Родины. Один из них — это географическая конкретность, привязка к реальному месту, индивидуализация образа России в отдельном городе, пейзаже, ландшафте. Второй способ — изображать Родину как духовную реальность, не связанную с географическими данностями. Рассмотрим, как оба способа создания образа Родины реализованы в книге Анны Ревякиной «Донецк — Москва».

Анна Ревякина родилась в 1983 году в Донецке. В настоящее время Анна — автор восьми сборников стихотворений и поэмы «Шахтёрская дочь», состоит в Союзе писателей ДНР и Союзе писателей России, является лауреатом литературных премий. Её стихи переведены на 12 языков.

Книга Ревякиной «Донецк — Москва» опубликована в Москве в 2023 году. Она включает 37 стихотворений, разделённых на две почти равные части под названием «Донецк» и «Москва» соответственно (18 стихотворений в первой части, 19 — во второй). Почти все стихи первой части написаны уже после начала агрессии Украины против Донбасса, то есть охватывают период 2014–2022 гг. Исключение составляет последнее стихотворение, «Я люблю тебя, город мужчин», созданное в 2010 году. Поскольку финал структурной единицы — это сильная позиция

любого текста, стихотворение будет рассмотрено отдельно. Покажем, какие элементы культурного ландшафта используются поэтом в первой части, посвящённой Донецку, останавливаясь на тех стихотворениях, где ландшафтные топосы указаны явно и являются значимыми в поэтике текста.

В стихотворении «Я люблю этот город...» (2014) Донецк — это «обетованная степь», «он стоит на границе силы света и силы тьмы», «его горы — всего-то холмы». Это первое стихотворение книги, и оно содержит самые значимые и яркие отсылки к общекультурным темам русской цивилизации.

Обетованная степь — это аллюзия на обетованную землю, обещанную Богом Моисею, ссылка на Библию, важнейшую книгу христианской культуры. Донецк помещается в сакральное пространство обещанной Богом земли, которую нужно защищать от врагов, где страшно и трудно жить, но где возможна встреча с Господом. Этот момент задаёт максимально высокий уровень понимания происходящих в донбасской степи событий — это жизнь близко к Небу, на глазах у Бога.

Пограничное положение Донецка на рубеже как в географическом, так и в культурном смысле является особым, выделенным. Оно означает смешение культур, единение, борьбу и отбор разных вариантов жизни, развития, истории, взаимодействия с Богом и людьми.

Обетованная степь — это аллюзия на обетованную землю, обещанную Богом Моисею, ссылка на Библию, важнейшую книгу христианской культуры.

Исторически Донецк возник в Диком Поле, где кочевые народы великой степи встречаются с земледельцами. Политически здесь проходила юго-западная граница России с Турцией и — шире — исламским регионом. С 2014 года здесь явно проходит граница Русского мира с европейской цивилизацией. Пограничное положение между разными метафизическими и культурными мирами роднит Донецк с Петербургом — другим городом на границе России и Европы, а также двух стихий: земли и воды. В обоих случаях город оказывается местом встречи разных культурных миров и нескольких планов бытия. В силу этого в таком пограничном месте человеку легче достучаться до Небес, выйти за рамки повседневной рутины и собственного эгоизма, войти в мир идей и видеть сакральный план бытия, как показывают это герои Достоевского, живущие в Петербурге, и герои Ревякиной, живущие в Донбассе.

Донецк как город на холмах соотносится с Римом, городом на семи холмах. Рим — столица Римской империи, задающей образец цивилизации и государства как для европейских культур, так и для России. Роль Римской империи в сакральной христианской истории также велика — именно в Римской империи родился Христос, чем навсегда вписал это государство в мировую историю. Образ города на холмах

отсылает и к концепции Москвы как третьего Рима — столицы христианской империи после Рима и Константинополя. Москва отражается в Донецке, включает город в сакральную библейскую историю во времени и в состав христианской империи в пространстве.

Итак, в первом стихотворении сборника, открывающем донецкую часть книги, город Донецк вписывается в общекультурный контекст, оказывается связан с библейской историей, Римской империей, а также двумя столицами России: Москвой и Петербургом. Донецк оказывается русским городом, местом встречи структурообразующих идей русской цивилизации. Эти идеи раскрываются в последующих стихах сборника.

Стихотворение «Наши степи гуманитарные...» (2017) наряду с такими локальными элементами, как степи и улицы, даёт отсылку к известному произведению мировой литературы — «Хроникам Нарнии». Нарния — волшебная страна, придуманная английским католическим писателем Клайвом Льюисом, знаковой фигурой жанра фэнтези. Нарнию открывают для себя дети, эвакуированные из Лондона в период Второй мировой войны, когда они спасаются от бомбёжек города немецкими нацистами. В аналогичной ситуации оказался Донецк после 2014 года, когда город начала обстреливать украинская армия, также реализующая идею национального превосходства.

Донецк как город на холмах соотносится с Римом, городом на семи холмах.

Степь выступает как граница, соединяющая разные стихии: землю и воздух. Степь также соединяет разные миры — там стоит бабушкин дом и живут драконы. Реальность и сказка перемешиваются, позволяя увидеть истинный смысл детства, памяти и любви.

Кроме того, в «Хрониках Нарнии» разыгрывается сюжет, сходный с событиями евангельской истории, а именно: создатель этого мира умирает и воскресает, чтобы спасти своих друзей. На этом сходство, весьма отдалённое, и кончается, но в Европе XX века эта сказка считалась выдающимся христианским произведением, пересказывающим евангельский сюжет понятным языком для современных детей. Для реально жертвующего собой Донецка это может выглядеть только как игра, хотя эта игра отсылает к идее жертвы ради жизни.

В стихотворении «Весна не стесняется, входит юзом...» (2019) Донецк назван дореволюционным именем Юзов — в честь его основателя, инженера Джона Юза, работавшего в XIX веке в Новороссии. Использование в одном тексте старого и современного названий подчёркивает единство города во времени, сохраняет культурную память места, позволяет увидеть прошлое в настоящем и воссоздаёт Донецк как пространство совпадения разных временных пластов.

В стихотворении «Мой отец мне ночами пишет из другой галактики...» (2018) лирическая героиня «приехала из волшебной страны Террикони». Донбасс как шахтёрский край покрыт терриконами — рукотворными горами из выработанной породы, больше не содержащей уголь. Террикон — характерный признак шахтёрского края,

где живёт героиня. К тому же действие происходит во сне, что подчёркивает волшебный характер всей ситуации. Однако волшебное не значит нереальное. Сон позволяет героине пробиться к идеальной реальности, увидеть Донбасс как часть света наряду с Евразией и Америкой, к которой художница едет на велосипеде по радуге. Сон, творчество, изобразительное и поэтическое искусство стирают случайные черты и воссоздают русский Донбасс как отдельный культурный континент. Снова в личном и локальном отражается общее: русский Донбасс выступает как Русский мир, целостный культурный космос, соединённый со всеми другими мирами на земле.

Стихотворение «Ветер приносит мучу, ветряную оспу и сплетни...» (2016) не называет ни Донецк, ни Донбасс, однако воссоздаёт культурный ландшафт, в который вписан город. «Степь начинается ровно за дальними терриконами», «город стоит в степи». Степь выступает как граница, соединяющая разные стихии: землю и воздух. Степь также соединяет разные миры — там стоит бабушкин дом и живут драконы. Реальность и сказка перемешиваются, позволяя увидеть истинный смысл детства, памяти и любви.

В стихотворении «Стать голосом твоим, твоим чудным двуречьем...» (2018) донбасский край изображается с помощью таких образов, как «полотнища полей», «ленточка реки». Поэт воссоздаёт

в слове широкую степь, видимую с высоты птичьего полёта, и пересекающую её реку. Простор, ограниченный только горизонтом, сменяется другим ракурсом в следующих строках: «Гляди, опять к дождю река волнует берег, // Высокий, как стена, камыш трещит по швам». Так в городе соединяются бесконечное пространство степи и близкий берег реки. Река всегда соединяет миры разной природы, так и здесь, река в степи уходит в мир политики, власти, массового сознания. В городе же остаётся возможность быть как дети, сохранить душу, любовь и поэзию.

Неожиданный образ столицы ДНР дан в стихотворении «Испей до дна Донецк, как яд и как лекарство...» (2015). Здесь Донецк — это бастион, город, тюрьма. Вокруг него и в нём самом — пустошь, угрюмый пустырь. Город предстаёт как некое замкнутое пространство, ограниченное крепкими стенами — непреодолимой вещественной границей. Внутри этой границы — разрушенный очаг: «безмозглая качель и клумбы тёти Веры», «тремпели^{*} пусты, разверсты шифоньеры и пыль на зеркалах». Читатель шаг за шагом входит в самое сердце замкнутого пространства, проходит двор с запущенной клумбой и ненужной качелью и заходит в давно покинутый дом, где остались только следы былой жизни. Материальная основа, способная держать душу в этом месте, почти уничтожена, но сердце, несмотря ни на что, остаётся

в городе, а значит, остаётся надежда на преображение и возрождение.

В стихотворении «Фортификационная проза» (2022) Донецк показан как крепость, фортификация на границе с враждебным миром, рядом с фронтом, «где уже по-настоящему страшно». Это город роз. На его улицах скоро «останутся только раненные поэты и бронзовые военкоры». В тексте подчёркивается пограничное положение Донца, соединяющего мир и войну, безмятежное цветение и стрельбу. Равновесие негармонично, пространство мира тает, а война наступает, покрывая улицы бронзовыми памятниками погибшим. Время на войне ускоряется, мельницы перемалывают мир, дружбу, цветы. Реальность и ирреальность смешиваются, потому что привыкнуть к войне невозможно, но и отвернуться от неё тоже нельзя. Поэт, как и город, живёт в двух мирах, принимая реальность войны, и только память соединяет его с оставшимся за гранью реальности образом свободного мирного города.

Стихотворение «Я люблю тебя, город мужчин» (2010), замыкающее первую часть книги, содержит самый топографически подробный образ Донца. В этом городе есть вокзал, дом у реки, проспект Ильича и больница, он заполнен пешеходами, на его дома смотрят из окна, в его небе летают голуби. Этот город жив, погружён в майское цветение, сохраняет память

Время на войне ускоряется, мельницы перемалывают мир, дружбу, цветы. Реальность и ирреальность смешиваются, потому что привыкнуть к войне невозможно, но и отвернуться от неё тоже нельзя.

* Вешалки.

Донецк стоит одновременно на границе и в самом сердце Русского мира. В нём есть черты Москвы и Петербурга, через него течёт время, в нём оживает память и зарождается будущее, здесь возможны творчество, любовь и воскрешение.

о детстве и устремлён в будущее. Текст написан до войны, но и сейчас, после девяти лет войны, он сохраняет иной Донецк как реальную возможность, живую и беззаботную ипостась города, полного жизни и желающего жить.

Итак, в сборнике «Донецк — Москва» Русский мир конкретизируется как малая родина поэта — Донецк, город в донбасской степи. В стихах этой части много местных топосов, важных для автора, но в то же время в текстах Ревякиной никогда не теряется общекультурная перспектива. Донецк предстаёт как город, бастион, крепость, с улицами и домами, пересекающей его рекой и окружающей его степью. Автор

помещает эти конкретные черты в общий для русской цивилизации контекст: в Донцеке, как в капле воды, отражается океан русской культуры, город соединяет миры и стихии, он вписан в библейские события и христианскую историю. Принимая удар украинской армии и жертвуя собой с 2014 года, город входит в пространство русской мысли, русской истории и русской империи. Донецк стоит одновременно на границе и в самом сердце Русского мира. В нём есть черты Москвы и Петербурга, через него течёт время, в нём оживает память и зарождается будущее, здесь возможны творчество, любовь и воскрешение.